

Клубничное мороженое с содовой

Эдди Барнс задумчиво взирал на горы-исполины Адирондак, жарившиеся на раскаленном летнем солнце. Одновременно он прислушивался к монотонным звукам гамм: братец Лоренс с утра мучает пианино: раздватричетырепять, раздватричетырепять, раздватричетырепять... Как же хочется обратно, в Нью-Йорк!

Эдди улегся на живот в разросшуюся траву газона перед домом и, осторожно сдирая лоскутки кожи с облупившегося носа, уставился на кузнечика, одуревшего от солнца и качавшегося на выцветшем стебельке травы прямо перед его лицом. Потом лениво протянул руку, поймал насекомое.

— Дай медка, — прошелестел он. — Дай медка, или жизнь коротка...

Но кузнечик поджал лапки и не двигался, сонный, безразличный к собственной судьбе. Эдди, брезгливо поморщившись, отбросил его.

Кузнечик нерешительно подпрыгнул, подлетел, снова уцепился за стебелек и застыл, слегка покачиваясь на легком ветерке. Эдди перевернулся на спину и стал смотреть в высокое голубое небо.

Деревня! Ну почему все так стремятся на природу... Что, должно быть, творится сейчас в Нью-Йорке, какая суэта, толкотня на чудесных, раскаленных улицах, какие приключения, сколько радости и счастья, когда, тяжело дыша, весь в поту, скачешь по мостовой, увертываясь от грузовиков, трамваев, детских колясок! А окрики, грубые, шуточные, оглушительные... какой чудесный смех у выкрашенной в красный цвет лавчонки, где продается лимонное мороженое по два цента за двойную порцию, истинный нектар для человека в пятнадцать лет.

Эдди рассеянно осмотрелся. Кругом все те же молчаливые вечные гранитные великаны. Да еще деревья и птицы. Вот и все.

Эдди вздохнул, терзаемый мыслями о недоступном наслаждении, встал, подошел к окну, за которым Лоренс хмуро барабанил по клавишам: раздватричетырепять.

— Лоррррренс, — позвал Эдди, прокатывая «р» так, что щекотало в носу. — Лоррренс, ты вонючка.

Но тот даже не поднял глаз. Пальцы тринадцатилетнего мальчишки, все еще по-детски пухлые,

били по клавишам раздватричетырепять с раздражающей точностью. Он был талантлив, одержим своим призванием и твердо знал, что в один прекрасный день на сцену Карнеги-Холла выкачают концертный рояль. Лоренс выйдет и вежливо поклонится публике под гром аплодисментов, а потом сядет, откинет фалды фрака и возьмет первый аккорд, а мужчины и женщины, слушая его, будут плакать, смеяться и вспоминать свою первую любовь. Поэтому его пальцы вздымались и опускались вверх-вниз, набирая силу в ожидании великого дня.

Эдди еще немного задержался у окна, наблюдая за братом, вздохнул и завернул за угол дома, где ворона сонно клевала семена редиса, посаженного Эдди три дня назад в приступе тоски. Он швырнул в нахалку камнем, и та, бесшумно перелетев на ветку дуба, стала дожидаться, пока враг уберется. Эдди не поленился повторить процедуру. Ворона перебралась на другую ветку. Эдди, разозлившись, замахнулся, но птица проигнорировала его. Тогда он поднял ногу, подражая размашистым движениям Карла Хаббелла, и попытался достать ворону, почти задев ветку. Птица без особенной спешки переместилась ближе к стволу. Эдди, теперь уже в стиле рваных ритмов Диззи Дина, с головокружительной скоростью нанес удар, но промахнулся, а ворона даже головы не по-

вернула. Что же, всякое бывает когда действуюешь впопыхах.

Эдди нашел подходящий круглый камешек и умело, как настоящий профессионал, потерял его о задний карман. Потом оглянулся, чтобы ввести в заблуждение противника, и напрягся, ожидая сигнала. Эдди Хаббелл Дин Мунго Феллер Феррелл Уорник Гомес Барнс* поднял ногу и выдал свой знаменитый правой. Ворона неспешно снялась с ветки и неохотно улетела.

Эдди подошел к грядкам, потыкал носком ботинка в разворошенную землю и присмотрелся к семенам редиса. Похоже, ничего особенного с ними не случилось. Так и лежали на земле, голые, на тех же местах, куда он их бросил. Ни зелени, ни корней, ни редиски. Ничего. Зря он решил податься в фермеры. Пакетик семян стоил целый дайм**, а теперь получается, что вороны угощаются за его денежки! А дайм ему пригодился бы, да еще как! Сегодня у него свидание!

— Я иду на свидание, — объявил он вслух, наслаждаясь каждым звуком, и отодвинулся в тень беседки, увитой виноградом, чтобы хорошенько об этом поразмыслить. Усевшись на скамейку под прохладными разлапистыми листьями, он стал думать. До этого у него ни разу в жизни не было свидания. И в кармане лежало всего трид-

* Перечисляются имена знаменитых джазменов тридцатых годов.

** Десять центов.

цать пять центов. Правда, этого должно хватить для любой девушки, но не купи он семена редиса, имел бы сейчас сорок пять центов и был бы готов к любым непредвиденным обстоятельствам.

— Чертова ворона, — пробормотал Эдди, вспомнив хищный клюв, выбиравший из земли его семена.

Вот уже который раз он удивлялся собственной ловкости. Как же это ему удалось в два счета назначить свидание? Теперь же все стало ясно. Внезапность. Быстрота и натиск. Ты подплываешь к девушке, лениво лежащей на плотике посреди озера, смотришь на нее, такую пухленькую в голубом купальнике, а она поднимает на тебя серьезные глаза, в которых отражаешься ты, блестящий от воды, с цыплячьей безволосой грудью, и тут тебя внезапно прорывает:

— Похоже, ты не особенно занята завтра вечером, верно?

Ты сам не знаешь, с чего вдруг завел этот разговор, зато она сразу все понимает:

— Ну да, Эдди, так и есть. Часиков в восемь, ладно?

А ты, кивнув, срываешься обратно в воду. Дело сделано.

И все же эти семена редиса — воронья еда, этот лишний десятицентовик...

Из дома вышел Лоренс, очень чистенький и прилизанный в шортах цвета хаки и белой рубашечке. Он сел рядом с Эдди, непрерывно работая пальцами.

— Ужасно хочется клубничного мороженого с содовой, — вздохнул брат.

— Деньги есть? — с надеждой поинтересовался Эдди.

Лоренс покачал головой.

— Значит, никакого мороженого с содовой, — заключил Эдди.

Лоренс серьезно кивнул.

— А у тебя? — в свою очередь, спросил он.

— Кое-что имеется, — осторожно ответил Эдди и, сорвав виноградный лист, смял его в ладонях и стал критически разглядывать.

Лоренс ничего не сказал, но Эдди ощутил напряжение, растущее, словно опухоль.

— Нужно экономить, — резко пояснил он. — Иду на свидание, а в кармане всего тридцать пять центов. Откуда мне знать, вдруг ей взбредет в голову попросить банановый сплит*!

Лоренс снова кивнул в знак того, что все понимает, но уголки рта опустились, и печаль приливной волной омыла его лицо.

Они долго сидели в неловком молчании, прислушиваясь к шелесту виноградных листьев.

* Десерт из фруктов с орехами и мороженым.

— Пока я упражнялся, — вдруг выпалил Лоренс, — все время думал: хочу клубничное мороженое с содовой, хочу клубничное мороженое с содовой...

Эдди резко вскочил.

— А-а-а, пойдём-ка отсюда. Прогуляемся к озеру. Может, там кого встретим.

Они молча направились через поля к озеру. Лоренс продолжал механически сгибать и разгибать пальцы.

— Да прекрати же! — прикрикнул Эдди. — Не надоело?

— Но это полезно для пальцев. Расслабляет.

— Меня от тебя тошнит.

— Ладно, — согласился Лоренс, — не буду.

Они снова тронулись в путь. Лоренс едва доставал Эдди до подбородка, худенький, аккуратный, с темно-рыжими волосами, откинутыми назад с высокого розового лба. По пути он насвистывал, и Эдди слушал брата с плохо скрытым уважением.

— Неплохо, — признал он. — Совсем неплохо.

— Это из второго фортепьянного концерта Брамса, — сообщил Лоренс, на секунду прерывая свист. — Легкая мелодия.

— Ну и надоел ты, — пробормотал Эдди, — как чирей в заднице.

На озере не было ни души. Плоское, невозмутимо спокойное, оно простиралось на многие

мили, как огромная голубая чаша. На другом берегу темнел лес.

— Никого, — удивился Эдди, глядя на неподвижный плотик на воде. — Вот и хорошо. Вечно здесь народу до чертиков.

Он внимательно обшаривал глазами каждый уголок, вплоть до самых дальних.

— Как насчет того, чтобы покататься на лодке? — осведомился он.

— Но у нас нет лодки, — резонно возразил Лоренс.

— Я тебя не об этом спрашиваю. Хочешь поработать веслами?

— Неплохо бы, но у нас...

— Заткнись! — перебил Эдди и, взяв Лоренса за руку, повел сквозь высокую траву к самой кромке воды, где была пришвартована старая плоскодонка. Вода лизала высокие борта, выкрашенные красной, выцветшей от времени краской. На дне лежала пара тяжелых весел.

— Прыгнешь, когда прикажу, — бросил Эдди.

— Но она чужая.

— Ты хочешь покататься или как?

— Да, но...

— Тогда прыгай, когда дам знак.

Лоренс предусмотрительно снял сандалии и носки, пока Эдди сталкивал лодку в воду.

— Давай! — позвал Эдди.

Лоренс прыгнул. Лодка заскользила по гладкой поверхности. Эдди старательно греб, пока они не выбрались из тростника.

— Ничего, а?

Эдди нажал на весла.

— Чудесно! — с энтузиазмом отозвался Лоренс. — Так мирно, спокойно.

— А-а-а, — отмахнулся брат, — ты и выражаешься, как пианист.

Он продолжал грести, пока не устал, а потом предоставил лодке качаться на волнах, а сам лег и, болтая в воде рукой, стал думать о наступающем вечере.

— Вот бы меня увидели дружки с Семьдесят третьей улицы, — вздохнул он, — не поверили бы, как ловко я управляюсь с этой дряхлой развалиной.

— Все было бы чудесно, — поддакнул Лоренс, убирая ноги подальше от воды, скопившейся на дне, — если бы мы знали, что, выйдя из лодки, отправимся покупать клубничное мороженое с содовой.

— Почему бы тебе не подумать о чем-нибудь другом? Вечно ноешь! Неужели не надоело?

— Нет, — признался Лоренс, немного поразмыслив.

— На вот, возьми! — крикнул Эдди, подтолкнув весла поближе к брату. — Греби. Может, отвлечешься немного.

Лоренс нехотя схватился за рукояти.

— Это вредно для рук, — объяснил он, послушно налегая на весла. — Пальцы немеют. Гибкость пропадает.

— Смотри, куда правишь! — нетерпеливо заорал Эдди. — Кружимся на одном месте! Какой, к черту, смысл вертеться юлой?

— Лодка сама так идет, — пояснил Лоренс, стараясь изо всех сил. — Что я могу поделывать, когда это само собой получается?

— Пианист. Настоящий пианист, ни дать ни взять. Отдай весла!

Лоренс с благодарным вздохом подчинился.

— При чем тут я, если лодка вертится? Так уж она сделана, — не сдавался он.

— А-а-а, заткнись, — прошипел Эдди, бешено работая веслами. Лодка ринулась вперед, разрезая носом вспенившиеся волны.

— Эй, там, на лодке! Эй! — окликнул кто-то.

— Эдди, — прошептал Лоренс, — там кто-то орет.

— Давай сюда, пока я не выколотил пыль из твоих штанов! — продолжал мужчина. — Немедленно верните мою лодку!

— Он хочет, чтобы мы отдали ему лодку, — перевел Лоренс. — Должно быть, она принадлежит ему.

— Да неужели?! — саркастически фыркнул Эдди и, обернувшись, крикнул мужчине, лихо-

радочно махавшему руками: — Ладно-ладно, так и быть, вернем мы тебе твою посудину! Не трясись!

Мужчина от злости даже подпрыгнул.

— Да я вам головы оторву! — взвизгнул он.

Лоренс нервно вытер нос.

— Эдди, почему бы нам не причалить к другому берегу и не вернуться домой пешком?

Эдди презрительно посмотрел на брата и сплюнул.

— Ты что, трусишь?

— Нет, — нерешительно возразил Лоренс, — но зачем нам лишние неприятности?

Вместо ответа Эдди сильнее налег на весла. Лодка полетела по воде. Лоренс, прищурившись, рассматривал быстро приближавшуюся фигуру незнакомца.

— Он настоящий верзила, Эдди! Ты никогда не видел такого великана. И, похоже, он здорово зол. Может, нам не следовало брать эту лодку? Может, ему не нравится, когда люди катаются на его лодке? Эдди, ты меня слышишь?

Эдди последним героическим усилием добрался до берега. Днище с ужасным скрежетом проехалось по придонной гальке.

— О Господи, — охнул мужчина, — моей лодке конец!

— Вовсе нет, мистер, ничего страшного, — заверил Лоренс. — Больше шума, чем дела. Ей это не повредит.

Мужчина одной рукой схватил мальчика за шиворот и выволок на землю. Лоренс не соврал: тот оказался настоящим великаном, с заросшей щетиной физиономией, двойным подбородком и мускулистыми, покрытыми волосами лапами. Рядом стоял пацан лет тринадцати, судя по сходству, его сын, тоже не в лучшем настроении.

— Дай ему, па! — завопил он. — Врежь как следует!

Мужчина принялся трясти Лоренса, слишком взбешенный, чтобы говорить.

— Значит, ничего страшного? Больше шума, вот как? — загремел он наконец. — Я покажу тебе шум! Покажу тебе «ничего страшного»!

Эдди выбрался из лодки, захватив с собой весло. Он был готов к самому худшему.

— Это нечестно, — заявил он. — Взгляните, насколько вы больше его! Привязались бы к кому-нибудь своих габаритов!

Парнишка азартно подскакивал, в точности как отец:

— Давай я подерусь с ним, па! Я ему покажу! Он с меня ростом. Давай, парень, поднимай кверху лапки!

Фермер перевел взгляд с сына на Лоренса и медленно разжал руки.

— О'кей, — кивнул он. — Покажи ему, Натан.

Натан толкнул Лоренса.

— Пойдем-ка в лес, малыш, — злобно ухмыльнулся он, — там поговорим.

— В глаз, — прошипел Эдди уголком губ. — Дай ему в глаз, Ларри.

Но Лоренс стоял с опущенной головой и рассматривал руки.

— Ну? — поторопил фермер.

Лоренс продолжал медленно сжимать и разжимать кулаки.

— Он не хочет драться, — подначивал Натан. — Ему бы только в чужих лодках раскатывать, а вот отвечать не слишком торопится!

— Ничего подобного, он будет драться, — набычившись, буркнул Эдди и пробормотал себе под нос: — Давай же, Ларри, двинь ему в морду, прямо в хлебальник...

Лоренс по-прежнему не двигался с места, размышляя, казалось, о Брамсе с Бетховеном и далеких концертных залах.

— Он трус, вот кто! — закричал Натан. — Наложил в штаны, как все городские!

— Он не трус, — вскинулся Эдди, в глубине души сознавая, что Натан прав. — Давай же, — велел он, подтолкнув Ларри коленом. — Работай левой! Пожалуйста, Ларри, работай левой.

Но глухой ко всем мольбам Лоренс продолжал стоять столбом, опустив руки.